

ЖГИ!

Мариям Галимова – начинающий автор, ей пятнадцать лет. Занималась в театре-студии «Наше», выступала в спектакле «Женитьба Бальзамина». Лауреат первой степени и специального диплома от Союза литераторов России за рассказ «Жги!» в номинации «Драматургия». Живёт в Москве.

«3 марта. 15:34. Жить больше незачем».

Главная московская академия балета. Её ученикам известно, что выпускаются из этой «фабрики по производству гениев» примерно сорок процентов от всего курса. Иногда эта цифра опускается и до десяти. Причины отстранения всегда разные: неуспеваемость, травма, а может быть, ты просто недостаточно хорош. Судьбы неудачных шестидесяти процентов отчисленных тоже разнятся. Кто-то преподаёт балетные танцы детишкам из спальных районов, кто-то проводит досуг в клубах анонимных наркоманов и анорексичек, а кто-то... впрочем, об этом и говорить не стоит.

Юная подававшая надежды Кристина Вераева не входит и уже никогда не войдёт в число выпускников.

Старенький медкабинет. Лампочка мигает бледно-жёлтым.

— Разрыв связок голеностопа.
— Доктор нервно приглаживает усы. Он с трудом подбирает слова. — Мне очень жаль... — Кристина уже покидает злосчастный кабинет. — Но вы... вы ведь сможете заниматься на любительском уровне после восстановительного проце...

Дверь за неудавшейся балериной захлопывается, оставляя врача и мать Кристины в уютной тишине.

Мама выуживает из холодильника недопитую прошлым вечером бутылку розового вина, со звоном ставит на стол два фужера.

— Мне шестнадцать, — силно произносит Кристина.

— Думаю, сейчас я имею право налить тебе бокальчик, как понимающая мать. — Мама неуместно подмигивает и усаживает Кристину за стол. — Ну ко-оть... Ну не расстраивайся, а? — протягивает она ноющим голосом. Ей не нравится подолгу находиться в тишине.

«Не расстраивайся». Так говорят ребёнку, который уронил в лужу плюшевую игрушку. Крис вяло кивает и отпивает из бокала. Горьковатый винный вкус никогда не ассоциировался с чем-то приятным. В последний раз мама наливала Кристине, когда отец их бросил.

— Блин, Вераева, ты только держись... — с ужасом произносит Саша Дулева — рыжее чудо на тощих ногах, третье фуэте курса. Теперь второе.

Девочки из академии поддерживают не лучше мамы, но они, по крайней мере, не делают вид, что жизнь продолжается.

— М-да... хреново тебе. Будешь? — Вера хмуро протягивает красный «Чапман», пованивающий вишней.

— Фу, блин, Вера! Ну зачем, а? — пищит Лера.

— Да помолчи ты, Лерочка!

— Курица! Пока, Крис, не грусти, — неловко пропевает девчонка в розовом трико.

Кристина молчит как партизан.

— Ну скажи нам что-нибудь! Что дальше-то? — не унимается Дулева.

Кристина морщится от жгучего табачного дыма и оглядывает подруг:

— Пойду домой. Спасибо, девочки!

Вераева смаргивает подступающие слёзы, машет ладонью и покидает территорию, как самый настоящий раненый боец. Хотя здесь было бы уместнее сказать «павший в бою». Кристина знает: никто не будет оплакивать её поломанную судьбу слишком долго. Буквально на следующий день репетиции начнут проходить так, будто стены этой академии никогда и не знали никакой Кристины Вераевой.

Небо такое же голубое, птицы чирикают так же назойливо, как и неделю назад, только вот теперь Кристина не может выносить этот звук. Она не может смотреть на запылившиеся пуанты в шкафу, лиловые гематомы на рёбрах и обкусанные от нервов губы. Зачем ей жить теперь? Для чего просыпаться по утрам?

11:45. В это время подходит к концу их вторая репетиция в академии.

16:30. Обеденный перерыв.

22:34. Кристина стояла бы на автобусной остановке и проверяла КБЖУ в телефоне. Ничего бы не изменилось. Ничего, если бы не грёбанный разрыв связок. Теперь она лежит. Теряет часы напролёт, не вставая с постели. С трудом улавливает мамины телефонные разговоры о подаче школьных документов и записях к врачам. Ей не хочется слышать ничего из этого. Но время неумолимо движется, хочет она того или нет. И доучиваться этот год придётся.

Первый за шесть лет день в старой общеобразовательной школе окончательно сломил дух Кристины. Назойливые голоса, нудные учителя, прыщавые лица одноклассников. Запахи еды, фруктового дыма и пота прожигают ноздри. Кристина не знает, как вынесет целый триместр в этой жуткой атмосфере.

За пару недель никто не пытался с ней заговорить, узнать её, познакомиться. Впрочем, она не то чтобы сильно этого хотела. Ровесники изредка кидают равнодушные взгляды, преподаватели недоумевают от того, что «девочку перевели в самом конце года», и Кристина понимает, что ждать чего-то от подобной жизни бессмысленно. Она доучится пару лет, сдаст экзамены и... ничего.

Она должна, просто обязана была стать прямой. Она шла к этому с детства. Ни отговорки мамы, ни трудности не могли отвернуть её от балета. Но маленький надлом организма снёс весь этот жизненный фундамент под корень. Одно чёртово фуэте. Кристина винит себя каждый день. Если бы разогрелась лучше, если бы затянула пуанты как следует, если бы не отвлеклась на ту долю секунды...

«Какая же сволочь эта судьба», — думает Вераева.

Лесопарк. В худой руке канцелярский нож. Малюсенький страх на задворках сознания просит о пощаде, но Кристина не знает жалости к себе. Потому что шесть лет у станка выбили это чувство намертво.

«Ну же. Закончи это сейчас. Умри достойно, Вераева. Умри балериной».

— Дура! — и рука дрогнула.

Кристина судорожно оборачивается и видит чьё-то веснушчатое лицо, обрамлённое синими волосами. Она уже где-то его видела. Школьный коридор.

— Ты ничего умнее не придумала? — девчонка в футболке с Deftones усмехается, будто быть свидетельницей самоубийства для неё обычное дело.

— А тебе что за дело, шизанутая? — Кристина хмурится.

— То есть это я шизанутая? О-окей... — «Синяя макушка» оглядывает нож и слегка кровоточащее запястье. — Пошли что повеселее придумаем! — И странная девочка как ни в чём не бывало хватает Кристину под руку и тащит вдоль деревьев к выходу.

Кристина не пытается сопротивляться. Интерес перевешивает всякую логику. В конце концов, она и так собиралась умереть. Девочка достаёт из кармана что-то вроде бинтика и обвязывает руку Кристины парой ловких движений.

— И всегда ты с собой бинты таскаешь?

— Конечно, мало ли кто решит вскрыться по пути. — Она чавкает фруктовой жвачкой. — Тебя же Кристина зовут? Это... Вераева, да?

— Да, — устало произносит Крис. Она не помнит имя себе-седницы, благо девчонка решает представиться сама:

— Женя Гришина.

— Круто.

— Ты ведь балерина?

— Бывшая балерина.

— Ты из-за этого обратно вернулась? Хотя извини, наверное, не хочешь об этом говорить. Ну а я никогда танцами не занималась. Зато я очень люблю музыку. Нет. Не люблю — блин, я обожаю музыку! Понимаешь меня?

Гришина говорит с хрипотцой и говорит очень много. Это кажется Кристине странным, ведь в школе она ни разу не слышала её голос. Кажется, Гришина в принципе ни с кем не общается.

— Какая любимая группа?

— Группа? Наверное, The Smiths... — чуть смутившись, произносит Вераева.

Глаза Жени вдруг начинают блестеть:

— О! Серьёзно? Я тоже их слушаю!

— Твоя любимая группа — «Дефтонс»? — Крис указывает на застиранную футболку.

— М-м... не-а! Но они офигенски крутые! Знаешь их?

— Немного.

«14 апреля. 16:10. Всё начинает меняться. Познакомилась с Женей из класса. Казалась мне какой-то фрикухой. Она перевязала мне руку, и мы пили дешёвую колу у неё на крыше. Я не помню, когда пила колу с сахаром в последний раз. Наверное, я не убью себя.»

Кристина закрывает заметки. Записи в своеобразном дневнике всегда были до смешного краткими и резкими. И если раньше она перечисляла в них базовые планы на день, то сейчас строчки заполнились, как говорит Кристина, «сопливой меланхолией».

— Да ты в два слоя нанеси, они же трескаются, — Кристина осматривает свои длинные пальцы с необсохшим чёрным лаком на ногтях.

— Криска, это ж гранж. Пусть трескаются себе на здоровье! — Женья свешивает белые ноги с холодной подъездной лестницы.

С начала их дружбы прошла всего пара недель, но они проводят в компании друг друга большую часть времени. После уроков — в подъезд, выходные — на крыше, ну а если кто-то из дуэта не появится в школе — жди СМС от второй, гневное «Где тебя носит?»

— Знаешь, это всё так странно... — неожиданно меняется в лице Женья.

— Что именно?

— Мы знакомы всего ничего, но у меня такое чувство, что я дружу с тобой всю жизнь.

— Не поверишь, но то же самое! — Вераева ковыряет облупившуюся краску на стене.

— До тебя я ни с кем особо не общалась. А эти отморожки с детдома вообще меня ненавидели всю жизнь. Я уже и не надеялась

вот на такое... — Гришина тщательно выбирает слова.

— Ой, хватит тебе нагнетать, Женья. Мы же теперь дружим, а это главное! Пошли за колой, жарко тут...

«25 апреля. 19:45. Я не знаю, как так получилось, но мы с Гришиной сблизились очень сильно. Мне кажется, она моя самая лучшая подруга. Мне кажется, только она меня и понимает. И только я — её. Мне нравится понимать, что я для неё самая главная в жизни. Наверное, теперь и она для меня тоже. Ещё мама велела не слезать с диеты ближайшее время.»

П.С.: Почему — не знаю. Странно, учитывая то, что первой её фразой после разрыва связок было: "Зато теперь можно есть что хочешь".

— Слушай, Крестюш... — Мама запрашивает выжженную осветлителем прядь за ухо. — У меня есть очень хорошая новость...

— Мам, ну не тяни... — скучающе произносит Кристина, обтачивая карандаш для глаз.

— У меня есть знакомый врач с очень эффективным методом. Он всех, даже балерин, на ноги ставит! Говорят, уже нескольких девочек с травмами обратно к обучению вернул.

— Серьёзно? Ты уверена, да? — воодушевлённо тараторит Кристина.

В голове тут же пронесется множество воспоминаний. Репетиции, отчётники, концерты. Академия! Это всё ещё можно вернуть. Есть шанс!

— На лечение уходит время, Крис. Но это вполне возможно, — улыбается мать. — Есть одно но... Он в Екатеринбурге. Нам придётся переехать на время.

— Да всё что... — тут Крис понимает, что ей придётся разлучиться с Гришиной. Никакой колы, посиделок после уроков, никаких ночных разговоров и вылазок на крышу. — Всё что угодно.

— Котик, ты уверена в том, что всё ещё хочешь заниматься этим? — робко произносит мама.

И вот Кристине снова десять, она с остервенением выбрасывает свой деньрожденческий торт в помойку, а мама со слезами на глазах пытается отговорить её от балета. Ну уж нет. Этого не повторится.

— Да. Уверена, мама. Мы должны ехать сейчас же. Вдруг я пропущу программу в академии? Собирайся. — Кристина меняется на глазах. Тон снова холоден, а осанка такая же безукоризненно ровная, как и пару месяцев назад.

— Да, Крестю... Кристина.

— Эй, Крис! Смотри, что у меня есть! — Женя заговорщически улыбается, доставая из-за пазухи две шуршащие упаковки.

— Булочки из столовой скоммуниздила.

— Жень, я не буду...

— Что? С каких это пор? — хихикает Гришина.

— Кажется, у меня снова появился шанс в академии. И я переезжаю на какое-то время...

— Что? Как это? Ты ведь... да у тебя ведь связки порваны, сама говорила! — не понимает Женя.

— Вот так! Мать нашла врача, и я думаю, что снова поступлю. Ты рада за меня?

Женя не отвечает некоторое время, её обычно бледное лицо становится ещё блее, а бумажная упаковка булки мнётся под сжатыми пальцами.

— Да, Кристин... у тебя обязательно получится!

Курс лечения подходит к концу. Виктор Петрович — новый врач Кристины — осматривает ногу в последний раз.

— Я думаю... вы готовы! Поздравляю! — мужчина добродушно улыбается, глядя на восторженную Кристину. Обычно скупая на эмоции девочка не скрывает своего триумфа и нетерпеливо ёрзает в кресле.

Добравшись до дома, Кристина тут же хватается за телефон, чтобы набросить новое сообщение для Жени. Пусть она и не отвечает последние недели.

«Эй, Гришина. У тебя телефон забрали???»

«Доставлено: Пт. 12:34».

«Женя».

«Женя».

«Женя-я».

«Доставлено: Пн. 16:40».

«Доктор говорит, через неделю можно пробовать танцевать».

«Ср. 13:56».

«Я сегодня видела девчонку с синими волосами, перепутала с тобой. Реально похожи!»

«Пт. 19:20».

«СВЯЗКИ ПОЧИНИЛИ, ЖЕНЬКА!!! Возвращаюсь через пару дней))))».

Билеты на поезд, возобновление тренировок, бесконечные проверки для подтверждения пригодности в академии. Практически всё, что входило в планы Кристины, уже сделано, но Женя так и не отвечает, а ведь Вераева даже не знает, где находится её детдом. И вот под предлогом закрытия задолженностей Крис возвращается в ненавистную школу.

Туалет на втором, женская раздевалка, так называемая курилка в пространстве под лестницей. Следов Гришиной нет ни в одном из её излюбленных мест.

— О, привет... Вераева. Как дела? — совсем отчаявшись, Кристина вдруг натывается на одну из одноклассниц.

— Привет... эм...

— Катя.

— Да, прости. У меня всё хорошо. Слушай, а ты...

— Мне жаль, правда.

— Что? Ты о чём? Если ты про перевод, то я не расстраиваюсь, если честно...

— Что? Нет, ты, кажется, не поняла: я о... — девочка упорно старается не смотреть Кристине в глаза.

— Слушай, я тут хотела спросить про Женю Гришину. Ты не знаешь, где она?

— Вераева... я... я не знаю.

— Катя хмурится и скрывается в коридоре.

Сбитая с толку Крис решает выйти из здания, но объявление возле турникетов привлекает её внимание.

«Нет. Нет. Нет!»

С фотографии глядит до боли знакомое лицо.

«Пропал человек. Гришина Евгения. 16 лет. В последний раз девушку видели возле территории лесопарка».

Через несколько дней на телефон Кристины приходит поставленное на таймер сообщение:

«3 мая. 15:34».

Привет, Крис. Если читаешь это, обещай не злиться.

Знаешь, есть люди нужные. Люди, которые для чего-то. Понимаешь? Ты для балета, Кристина. И ты жить без него не можешь. Я уж знаю. Как же у тебя всегда глаза горели, когда ты говорила про свои фруэте! Как же ты хотела этого. Я думала, я смогу заменить тебе твоё при-

звание, но я ошиблась. Есть люди ненужные. Как я. Можно пытаться переубедить, но по факту никому ни для чего я не была нужна. Не здесь. Родителям не была, одноклассникам не была. Видимо, и тебе, Вераева. Знаешь, за всю мою глупую жизнь моим самым главным поступком было твоё спасение. Вряд ли мы когда-нибудь встретимся, так что последний мой совет тебе: не потрать эту жизнь зря. У меня в запасе нет ничего ценного, кроме твоей жизни. И я вверяю её тебе со всей ответственностью.

Жги, Вераева! Твоя Женя Гришина».

Знаменитая Кристина Вераева. Звёздная прима. Одетта, Жизель и Эсмеральда в одном лице.

Кристина делает гранд жете, и переполненный зал рукоплещет. Софиты подсвечивают серебристый костюм и кристаллы. Под софитами не виден малюсенький шрамик на запястье.

Кристина выходит на сцену множество раз, и лица в зале сменяют друг друга. Все, кроме одного. «Синяя макушка» в потрёпанной школьной форме всегда сидит на самом первом ряду. Закинув ногу на ногу, она выкрикивает «браво!» громче всех. Интересно, кто её сюда впустил? «Жги, Вераева!»